

**ВЛИЯНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ И БЫТ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

*В.А. Кудашкин**, канд. ист. наук
С.А. Янюшкин, канд. ист. наук
БрГУ, Братск

Приведен пример поглощения «советской» цивилизацией культуры коренных малочисленных народов, проживающих на территории Восточной Сибири. Приводятся примеры роста уровня материального благосостояния. В условиях межкультурного взаимодействия растет культурный уровень всего коренного населения, но забываются многие способы ведения хозяйства.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, жилище и приусадебное хозяйство, малочисленные народы Восточной Сибири.

Положение коренных малочисленных народов всегда считалось одной из актуальных проблем, требующих своего решения в многонациональном российском государстве. В годы Советской власти была сформирована определенная правовая база, решен ряд вопросов, касающихся социально-экономического развития территорий проживания коренных малочисленных народов.

В первые годы коллективизации строились рубленые деревенские дома с расчетом на одну семью, но фактически в нем жило 5-8 семей. Дома, сложенные из лиственницы, должны были заменить «холодный, дымный чум». Тофы Иркутской области, кеты и эвенки долго не могли привыкнуть к новой, оседлой жизни. Вплоть до 1970-х гг. около каждого дома стояли остовы чумов. Чумы оставались у них как летние жилища при избах. Зимой тофы жили в домах, а с наступлением весны покрывали чумы покрывкой и переходили жить в них. В домах им было непривычно и душно, чистота пола и стен пугала их. Больше того, они боялись спать в доме без огня.

Улучшению жизни коренного населения в значительной степени способствовало обеспечение его стационарным жильем, для чего ежегодно использовались кредиты Госбанка. С 1958 по 1969 гг.

было построено 1223 дома, в том числе 732 дома для народов Севера. С 1958 года ежегодно строились сотни домов для коренных малочисленных народов. На эти цели было выделено 808,9 тыс. руб. льготных кредитов Госбанка [9].

Всего с 1958 по 1963 гг. за счет государственных капиталовложений и нецентрализованных источников на строительство объектов просвещения, здравоохранения и культуры там, где проживают народности Севера, было израсходовано 9419 тыс. руб. [8]. Благодаря проводимым мероприятиям за сравнительно небольшой период времени неизменно изменился облик национального села, быт, культура и жизненный уровень коренных малочисленных народов Севера. Практически в каждом национальном селе появились клуб, баня, библиотека, медпункт, школа. Все больницы и школы в районах, где проживали малочисленные народы, были обеспечены электрическим освещением, улицы огорожены изгородями, проложены тротуары, проведено озеленение.

Таким образом, деятельность органов государственной власти в Восточной Сибири носила точный и последовательный характер и способствовала достижению главной цели – созданию «устойчивого производства» [11] в местах ком-

* - автор, с которым следует вести переписку.

пактного проживания коренных малочисленных народов.

Среди советского руководства бытовало мнение о необходимости строительства на культбазах больших домов барачного типа на несколько семей в целях создания коллективного домашнего хозяйства.

Другая картина наблюдалась у долган и нганасан на севере Красноярского края. В 1960-1970-е гг. власти не предоставляли услуг по строительству [1]. На фоне строящихся в непосредственной близости от сел станционных поселков городского типа с полным набором благоустройства жилищно-коммунальное обслуживание населения выглядело крайним анахронизмом.

Что касается кетов, то в исследуемый период на территории Эвенкии было обнаружено всего два чума, в которых жили престарелые супружеские пары (один в районе Верхнеимбатска, второй – на реке Курейке) [2]. Все остальное кетское население начиная с 1970-х гг. проживало в деревянных домах, построенных по типовым проектам и не имеющих каких-либо национальных особенностей. В архивных материалах нам встретилась статистика: 13,6 % семей имели квартиры в своей собственности, 65,6 % жили в квартирах, принадлежащих совхозам и другим учреждениям, 17,5 % семей ютились в так называемом «списанном» жилье – бараках и ветхих домах, списанных с баланса предприятий – «ничейных», 3,3 % семей вообще не имели жилья, снимали угол или комнату, чаще всего у родственников [3].

Жилище является одним из ярких примеров изменения материальной культуры. Деревянные стационарные дома, усадьбы возле них, а также внутренний интерьер этих жилищ довольно быстро приобрели облик обычных деревенских домов в русских поселках. О том, что это все-таки поселки охотников, напоминали лишь стаи охотничьих лаек возле домов и изредка привязанные к оградам усадеб олени пастухов, прие-

хавших из оленьего стада за припасами, или каюров, отправлявшихся с очередной экспедицией. Это летом. Осенью и зимой в поселках было тихо, так как почти все собаки были в тайге на промысле.

Главная же особенность усадеб у эвенков Иркутской области (поселки Накано, Ерема, Ербогачен, Ика) и эвенков, проживавших на востоке Красноярского края в поселках Чемдальск, Ванавара, Стрелка-Чуня, была в том, что они возле своих бревенчатых домов устраивали привычные чумы, использовавшиеся в качестве летних жилищ. В домах жили зимой, а в чумах в теплое время. Отличие этих чумов от кочевых в том, что они делались как стационарные, из более толстых жердей, и покрывались пластами лиственничной коры. Чум снаружи обкладывался толстыми жердями и обвязывался веревками, чтобы плотнее прижать кору к жердям чума. Вверху чум имел обычное отверстие для выхода дыма.

У тофов в 1975 г., во время празднования 50-летия установления Советской власти в Тофаларии, все чумы из тофаларских усадеб убрали [4]. После этого поселки утратили национальный колорит, а старикам летом негде стало жить: они лишились привычных для них жилищ.

Внутри устройство чума было традиционным. На месте очага выкапывалась ямка и засыпалась крупным речным песком, чтобы семья имела возможность выпекать в очаге свои привычные лепешки. Котел висел на цепочке, которая в другое время обматывалась вокруг центральной опорной жерди. Постель чаще всего устраивали не на земле, а на кровати – либо из досок или колотых плах, либо на железной покупной. Для сиденья использовали низенькие самодельные табуретки. Всю утварь продолжали хранить в сумках и мешках в чуме [10].

Когда подросло новое поколение, уже привыкшее к оседлой жизни, выросшее в интернатах, побывавшее в

городах на учебе, у эвенков, долган, тофалар дома стали обустраиваться по типу русских.

Таким образом, внутреннее убранство домов, в которых жили представители малочисленных народов, мало чем отличалось от тех, где жили русские. Из-за большого дефицита кирпича, который трудно было доставлять в поселки Нижнеудинского и Катангского районов Иркутской области, в домах не было русских крестьянских печей. Ставили обычные плиты с обогревательным щитом. Кое-где не было и их, а стояли железные печки-буржуйки, правда, с жестяной трубой, выходившей наружу через потолок и крышу. Местами такие печи простояли вплоть до 80-90-х гг. XX в. Из мебели в доме были деревянные столы, табуретки, железные кровати. Коренные этносы предпочитали использовать вместо постельного белья шкуры медведей, кабанов, меховые одеяла, подушки, набитые шерстью кабарги. В домах появилась самодельная мебель в виде платяных и кухонных шкафов, различные сундуки, используемые для хранения праздничной одежды, пушнины, боеприпасов и других ценных для охотников вещей. В домах был минимум перегородок, так как тофы, эвенки, кеты и нганасаны предпочитали однокамерное жилище. Видимо, сказывалась привычка к чуму.

По мере роста благосостояния в домах появлялась городская покупная мебель в виде различных комодов, шифоньеров, столов и стульев, кресел, трюмо, на окнах – занавески, тюль. В домах сразу же стали пользоваться так называемой городской посудой, состоявшей из различных металлических сосудов: оцинкованных ведер, баков, кастрюль, ковшей, тазов, мисок, сковородок, жаровен, кружек, которые находились уже не в специальных мешках, а в кухонных шкафах, столешницах.

В 1970-1980-е гг., с развитием туризма, молодежь узнала туристское снаряжение и стала предпочитать чуму туристические палатки. Некоторые тофы,

эвенки и кеты Иркутской области, поработав в различных экспедициях проводниками, познакомились там с русским экспедиционным бытом и снаряжением и использовали все это у себя в тайге во время промысла, оставив чумы. Это можно объяснить лишь тягой молодежи ко всему новому, необычному, которое всегда кажется лучше привычного и надоевшего своего. Привлекала также быстрота и простота установки палатки по сравнению с чумом, хотя жить в палатке несравненно труднее, особенно из-за невозможности развести внутри костер. С уходом из активного труда, а также вообще из жизни, старшего поколения, в тайге повсеместно стали строить охотничьи избушки по примеру русских промышленников. На промышленном участке устанавливали обычно несколько таких избушек, возле них строили амбары для хранения припасов и продукции, но теперь это были не традиционные амбарчики на сваях, а русские амбары типа домиков.

Еще одним нововведением в быту коренных малочисленных народов с приходом советского образа жизни стало использование дизельных движков-установок с конца 1950-х гг. За счет электроэнергии, вырабатываемой дизелями, представители коренных этносов получили возможность пользоваться бытовой техникой. В начале 1970-х гг. у тофов появились телевизоры, холодильники, стиральные машины. В Дудинке домашняя техника у нганасан и долган появлялась с начала 1980 г. [6].

В рассматриваемый период на севере Красноярского края и на северо-востоке Иркутской области в связи со строительством БАМа [7] работали разведывательные геологические экспедиции, что способствовало повышению спроса на олений транспорт и замене значительной части породы местных оленей на оленей «вилюйской» породы. Наибольшее развитие транспортного оленеводства в регионе наблюдается в 1960-е гг. Расширение изыскательских работ в регионе в эти

годы частично возродило олений извоз и в старом вьючном варианте, что было продиктовано летними сроками проведения полевых работ. Помимо аренды колхозных оленей, геологические партии практиковали покупку оленей, а на территории Красноярского края нанимали извозчиков из долган, нганасан, эвенов и эвенков.

Со второй половины 1970-х гг. спрос на транспортные услуги резко сократился, изыскательские работы все более проводились с применением механического наземного транспорта и вертолетов. Транспортное оленеводство сохранялось лишь в пушном промысле.

Необходимо отметить, что технический прогресс привел к исчезновению ездовых оленей у туруханских эвенков. У сымских эвенков исчезновение ездовых оленей в конце 1960-х гг. связано с тем, что из-за обилия мошки и нехватки ягеля олени измельчали и не могли держать человека [10]. У туруханских эвенков исчезновение этой практики связано с внедрением в жизнь моторных лодок. По воспоминаниям пожилых людей, во второй половине 1950-х гг. моторы, во-первых, были редкостью, а во-вторых, это были моторы старого образца, которые приводились в движение ногами. «Раньше мотор был – топтун, «Архимед» назывался. Смотришь, дед по реке плывет, так он его больше ногами качает, чем плывет. Пешком быстрее дойдешь. Такой мотор только на деревянную лодку можно ставить» [5]. В 1960-е гг. получили распространение моторы более сложной, современной модификации – «Вихрь», которые уже не являлись редкостью. В этот же период перестали ездить верхом.

У долган и эвенков в рассматриваемый период в быту более широко применялись традиционные инструменты. В их число входили различные скребки для обработки кожи, лучковое сверло – пурпчанэ, разновидность рубанка – ирупчинэ. Несмотря на то, что недостатка в металлической посуде не было, распространялись навыки изготовления некоторых вещей из бересты. Востребованной

оставалась область народных знаний. Так, особые березовые стружки – кучу или хуку являлись необходимым атрибутом зимней рыбалки. Чтобы получить этот предмет, следовало найти подходящую трухлявую березу (далеко не каждое дерево оказывалось годным). Часть ствола, около полутора метров длиной, очищали от коры и сушили в чуме за печкой. Высушенное трухлявое полено называлось кучу. Перед тем, как отправиться проверять сети зимой, рыбаки наполняли мешок – хукурук стружками, срезанными с кучу ножом, и брали его с собой. Вытащив из сети рыбу, рыбак сразу же помещал руки в мешок со стружками, и они моментально высохали. Местные жители даже научили этому способу рыбаков «Гослова», которые в 1980-х гг. имели промысловые точки на некоторых озерах. «Раньше здесь «гословы» были, так они с собой на сети полотенца таскали. Один раз руки вытрут – полотенце замерзло, а сетей надо много проверить. Потом увидели, как мы делаем, так же делать стали» [10].

Таким образом, изменение материальной культуры малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края, вызванное столкновением с новой советской культурой, повлекло за собой новые процессы ведения хозяйства и поставило на новую ступень развитие межнациональных отношений, стимулировало развитие многообразия межкультурных стратегий сосуществования.

Ситуация осложнялась политикой, проводимой государственными и партийными органами в отношении бытовых условий проживания – перевод на оседлый образ жизни. Начав с программы перевода кочевого населения на оседлость, государственная машина очень быстро уничтожила те основы хозяйства, которые складывались исторически, не дав взамен других жизненных экономических форм. В результате в начале 1960-х гг. возникла «ненормальная» экономическая ситуация, при которой оседлое население должно было зани-

маться такими формами хозяйства, которые требовали кочевого образа жизни.

Малочисленные народы были оторваны от их многовекового уклада жизни, культурного наследия и обыденности, в итоге повседневность и быт стали изменяться. Они стали приспосабливаться к новым условиям жизни, овладели новым для них видом хозяйственной деятельности: земледелием. В поселках они научились жить «по-советски». Их материальная культура и быт полностью приспособились к новым условиям оседлой жизни. Жилище, обувь, одежда, домашняя утварь, пища уравнивались с общесоветскими и утрачивали национальный колорит. Так же негативным последствием столкновения с «советской цивилизацией» являлось распространение алкоголизма среди малочисленного населения. Меры, направленные на искоренение этой проблемы, практически не давали результатов.

Тем не менее, советский период истории второй половины XX в. оказал положительное влияние на изменение в материальной культуре малочисленных народов. Долганам, нганасанам, кетам, тофаларам, энцам, эвенкам и др. пришлось осваивать новые для них виды индивидуальной хозяйственной деятельности, которые сосуществовали наряду с традиционными. Уйдя на промысел, они продолжали придерживаться традиционного образа жизни, из которого сохранили лишь наиболее рациональные черты, хорошо соотносящиеся с новой, оседлой жизнью. В то же время, они переняли у русских более совершенные приемы и способы оленеводства, охоты, рыболовства и собирательства.

С повышением уровня благосостояния малочисленных народов улучшался и уровень их материальной жизни. Если в первые годы оседлой жизни у них еще была сильна память о кочевом быте, сохранялась домашняя утварь, одежда и обувь, привычки и пристрастия в питании, то постепенно они привыкали к условиям оседлой, размеренной жизни.

Новые поколения, родившиеся и выросшие уже в поселках и не видевшие иной жизни, окончившие среднюю школу и из кино, газет и радио знающие, как живут другие люди в других поселках и городах, нередко сами побывавшие там, повышали общий культурный уровень всего коренного населения. Они стремились обустроить свою жизнь по-новому.

Литература

1. Материалы по ведению домашнего оленеводства Таймырского окружного комитета КПСС // ГАКК (Гос. архив Краснояр. края). Ф.П. - 28. Оп. 72. Д. 80. Л. 58.

2. Симченко Ю.Б. Основные черты современных этнических процессов у коренного населения авамской тундры Таймырского национального округа. М., 1970. С. 148.

3. Протоколы заседания Красноярского крайкома КПСС по решению жилищных вопросов у малочисленных народов // ГАКК. Ф.П. 35. Оп. 47. Д. 11. Л. 6.

4. Протоколы заседаний бюро Нижнеудинского райкома КПСС по вопросу жилищного строительства в районе. // ГАНИИО (Гос. архив новейшей истории Иркут. обл.). Ф. 280. Оп. 19. Д. 15. Л. 17.

5. Материалы автора (интервью с респондентами) историко-этнографической экспедиции (март 2007 год.) (п. Алыгджер, п. Нерха Нижнеудинского района Иркут. обл.)

6. Протоколы заседаний бюро Нижнеудинского райкома КПСС ... Л 98.

7. Власов Л. Г. Регион БАМа в XXI веке: опыт и перспективы : монография. Братск : Изд-во Братского ун-та, 2009.

8. Книга протоколов заседаний исполкома Тофаларского сельского совета (1960-1963 гг.) // ГАНИИО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

9. Протоколы заседаний бюро Нижнеудинского райкома КПСС Оп. 10. Д. 10. Л. 21.

10. Кудашкин В. А., Янюшкин С. А. Социально-экономическое и культурное

развитие коренных малочисленных народов иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х – 1991 гг.: монография. Братск : Изд-во Братского ун-та, 2009. 172 с.

11. Янюшкин С. А., Кудашкин В. А. Хозяйственное освоение и проблемы природопользования Приангарья в 1950-1980-е гг. Братск : Изд-во Брат. ун-та, 2009. 167 с.

К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СЛЮДЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-1975 гг.

*Г.А. Цыкунов, д-р ист. наук
БГУЭП, Иркутск
Б.Г. Прянишев*, соискатель
БрГУ, Братск*

На примере предприятий треста «Мамслюда» рассматриваются проблемы формирования профессионального контингента работников предприятий горнодобывающей промышленности северных территорий Иркутской области.

Ключевые слова: слюдяная промышленность, трест «Мамслюда», кадровая политика.

В экономическом развитии страны особая роль принадлежит Иркутской области с ее природными богатствами. В связи с этим проблема людских ресурсов всегда была одной из главных.

Решение кадровых проблем в 1960-1975 гг. детерминировалось следующими факторами: ускорением социально-экономического развития сибирского региона, в том числе Иркутской области; возрастанием темпов технического прогресса во всех отраслях промышленности; всесторонним использованием в народном хозяйстве топливно-энергетических и сырьевых ресурсов области. Они наложили заметный отпечаток на кадровую политику. С одной стороны, были существенно откорректированы методы комплектования рабочих кадров в годы войны и послевоенных пятилеток, с другой стороны, возникли новые, сохранившиеся до настоящего времени. В этих условиях ретроспективное изучение процессов, происходивших в кадровой политике в 1960-1975 гг., приобретает особое значение для определения перспектив дальнейшего развития и формирования адекватной социально-

экономической и демографической политики. Несмотря на возросший интерес к процессам формирования кадрового потенциала различных отраслей экономики, в отношении слюдяной промышленности наблюдается определенное отставание научных поисков. Обращаясь к актуальности проблемы, следует учесть и то, что предприятия слюдяной промышленности Иркутской области внесли весомый вклад в развитие электро- и радиотехники, ракетно- и моторостроения, производство строительных и лакокрасочных материалов.

Опыт освоения Мамско-Чуйского района и формирования профессионального контингента работников основных предприятий слюдяной промышленности – горно-обогатительного комбината (ГОКа) «Мамслюда» и Мамско-Чуйской геологоразведочной экспедиции в 1960-1975 гг. ценен для развития районов с экстремальными природно-климатическими условиями не только в нашей стране, но и за рубежом¹. Как подчеркивал сибирский историк В.В. Алексеев, «пренебрежение историческим опытом

* - автор, с которым следует вести переписку.